

КУЗЬМИН РОМАН ЮРЬЕВИЧ*dr.roman.kuzmin@gmail.com*

Кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского

125009 Москва,
ул. Большая Никитская, 13/6

ROMAN YU. KUZMIN*dr.roman.kuzmin@gmail.com*

Ph. D., Associate Professor of Humanities Subdepartment of Moscow Tchaikovsky Conservatory

13/6, Bolshaya Nikitskaya St.,
Moscow 125009
Russia

АННОТАЦИЯ**Дело Лосева. Предисловие к публикации**

В публикации впервые представлены фотокопии серии документов из личного дела А. Ф. Лосева (1893–1988)—великого русского философа, профессора Московской консерватории. В силу идеологических причин вклад Лосева в дело преподавания эстетики не был при его жизни оценен по достоинству. В предисловии к публикации дана краткая опись дела, а также приведены сведения о месте лосевского курса в системе преподавания в консерватории, об источниках лосевского курса. Показана непосредственная взаимосвязь между преподаванием Лосева в консерватории и его исследованиями в рамках работы в ГАХНе.

Ключевые слова: А. Ф. Лосев, Московская консерватория, курс эстетики, ГАХН

ABSTRACT**The Personal File of Alexey Losev. Foreword to the Publication**

The publication presents a series of photocopies of documents from the personal file of Alexey Losev (1893–1988)—the great Russian thinker, professor at Moscow Conservatory. Due to ideological reasons Losev contribution to the tradition of teaching aesthetics was not in his lifetime appreciated. In the preface to the publication one can find the brief inventory of the Losev's personal file and also some information about the location of Losev's course in the teaching of the Conservatory and sources of Losev's course. One can see in Losev's experience a direct relationship between his teaching at the Conservatory (1922–1929) and his studies in GAKhN (State Academy of Arts, 1921–1930).

Keywords: Alexey Losev, Moscow Conservatory, Losev's Aesthetics course, GAKhN (State Academy of Arts)

Роман Кузьмин

ДЕЛО ЛОСЕВА. ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ¹

В архиве Московской консерватории хранится личное дело профессора Алексея Федоровича Лосева (1893–1988)². В течение семи лет (1922–1929) русский философ читал в стенах консерватории курс «История эстетических учений», в эти же годы им были написаны и опубликованы самые значительные философские исследования, в том числе о музыке, музыкальной психологии и музыкальной эстетике. 18 апреля 1930 года Лосев как идейный враг Советского государства был вместе с женой, Валентиной Михайловной, арестован, приговорен к 10 годам исправительных работ (его жена была осуждена на 5 лет) и отправлен в Свирские лагеря на строительство Беломорско-Балтийского канала (см. документ № 15 и его факсимиле под тем же номером на цветной вкладке³), но в 1932 году освобожден в связи с существенной утратой зрения, а в 1933 частично реабилитирован [12, 505]. После возвращения из ссылки Лосев никогда больше не преподавал в Московской консерватории. Данные обстоятельства и общий идеологический климат в стране способствовали тому, что в стенах Московской

¹ Идеи данной публикации были обсуждены на заседании семинара «Творческое наследие А. Ф. Лосева: проблемы и перспективы» в Доме Лосева на Арбате 16 декабря 2014 года, а также на конференции «Музыка — философия — культура» в Московской консерватории в апреле 2013 года.

² Материалы дела Лосева впервые были опубликованы Е. Смыкой в 1996 году [11], а затем частично перепечатаны в статье Ю. Н. Холопова [13]. Благодарю проф. Т. С. Кюрегян, указавшую мне на эту важную и малоизвестную работу (она доступна в электронной версии). В обстоятельной статье проф. Ю. Н. Холопова приведена историко-биографическая канва пребывания Лосева в стенах Московской консерватории.

³ Далее мы ссылаемся на документ, указывая только его номер в публикации.

консерватории память о профессоре Лосеве была изглажена на долгие годы⁴. Исследования последних десятилетий, а также недавно опубликованные в одном томе с комментариями ранние работы Лосева⁵ дают более целостный взгляд на Лосева двадцатых годов. Наша публикация по «делу Лосева» ориентирована на восполнение все еще существующих пробелов.

В личном деле профессора Лосева мы находим не только серию документов биографического характера, но также программу его уникального курса и некоторые материалы, посвященные дискуссии вокруг него.

Документы, обнаруженные в деле, представляют для историка и философа значительный интерес в нескольких отношениях: помимо биографической ценности, они иллюстрируют две важные тенденции в консерваторском образовании тех лет: с одной стороны, переориентацию музыкального образования с гимназического уровня на университетский, а с другой, процесс радикальной идеологизации и «пролетаризации» обучения, связанный с приходом к власти в России большевиков. Содержание дела Лосева показывает, как обе указанные тенденции пришли в противоречие друг с другом. Кроме того, с помощью этих документов можно точнее установить генезис лосевского понимания эстетики, а также истоки его грандиозного замысла — создания фундаментальной истории античной эстетики (1963–1980).

На настоящий момент дело Лосева — самое старое из хранящихся в архиве Московской консерватории личных дел преподавателей гуманитарных дисциплин: значительный объем документов, относящихся к дореволюционной истории консерватории (финансовые бумаги, учебные планы, экзаменационные ведомости, личные дела педагогов), после 1918 года был перевезен в РГАЛИ, а материалы, доступные в консерваторском архиве, отражают, в основном, советскую страницу истории МГК⁶. В деле содержатся красноречивые свидетельства того трагического перелома, который произошел в российском образовании на рубеже двадцатых-тридцатых годов.

⁴ В юбилейном сборнике «Московская консерватория 1866–1966» [6] имя А. Ф. Лосева вообще не упомянуто!

⁵ Лосев А. Ф. На рубеже эпох: Работы 1910-х — начала 1920-х годов. М.: Прогресс-Традиция, 2015. 1088 с.

⁶ Данное обстоятельство, на мой взгляд, не только затрудняет восстановление исторической преемственности, но и отражает характерную тенденцию. Если дореволюционная консерватория была продуктом *частной инициативы*, выросшим при поддержке государства на самом высоком, «августейшем», уровне в институт всероссийского значения, то после Октябрьского переворота и последовавшей за ним национализации ее уникальное происхождение было затушевано, и она стала только одним из многих «типизированных» государственных учреждений, не имеющих более прав на автономию. Доминирующей стала иная мотивация — исполнение государственного заказа при государственном же финансировании (см. статью обозревателя газеты «Ведомости» Н. В. Эппле «Рост зерна», в которой указанная тенденция рассматривается в широком культурологическом контексте: <http://www.colta.ru/articles/specials/7701>. Дата обращения: 15 ноября 2015 г.).

Я постараюсь дать небольшой комментарий к материалам дела, опираясь на пять закономерно возникающих вопросов:

- Что представляет собой дело Лосева?
- Каково было положение лосевского курса в Консерватории?
- Каков был фундамент лосевского курса?
- Как соотносится лосевский курс с его научными взглядами?
- Каким преподавателем был Лосев?

1. *Что представляет собой дело Лосева?* Оно было начато в ноябре 1922 года, окончено 3 октября 1929 года. В деле содержится 30 листов. Все сохранившиеся документы можно разделить на четыре группы. Это:

- (1) анкеты — 1923 (см. №1) и 1926 года;
- (2) финансовые документы — семь справок о полученной зарплате (см., например, №3), четыре справки об удержании подоходного налога, удостоверение о получении жалованья в качестве школьного учителя (см. №2), два удостоверения сотрудника РАХНа⁷ (№4) и удостоверение доцента консерватории (плюс его копия) с указаниями на полученное жалованье;
- (3) должностные документы — справка об утверждении Лосева в должности профессора консерватории (1926; см. №5), справка, подтверждающая профессорство А. Ф. Лосева в 1922–1929 годах (рукописная копия без подписи, датирована 1932 годом; см. №15), и выписка из протокола, подтверждающая прекращение работы Лосева в Московской консерватории (1929; см. №14);
- (4) документы, связанные с преподавательской деятельностью А. Ф. Лосева в консерватории, — три служебные записки, написанные рукой Лосева (см. №№6, 8, 10), машинописная программа курса «История эстетических учений» (см. №7), обращения руководства консерватории в Ленинградский книжный фонд (см. №9) и в Мосгублит⁸ (копия; см. №11), два заключения по докладной записке Лосева (одно без даты и подписи, второе за подписью Н. Я. Брюсовой, датировано 1929 годом; см. №№12, 13).

2. *Каково было положение лосевского курса в консерватории?* Какое место вообще отводилось преподаванию эстетики в консерватории? Известно, что в первые годы существования консерватории ее учащимися становились дети в возрасте от 10 лет. Значительная их часть не имела никакого, даже начального — «прогимназического» — образования. Чтобы восполнить этот пробел, были созданы общеобязательные «научные классы». К предметам научных классов относились Закон Божий, русский, немецкий и французский языки (интересно, что на все три языка выделялось одинаковое количество учебных часов!), математика, физика, география,

⁷ РАХН — Российская академия художественных наук; с 1925 — Государственная академия художественных наук (ГАХН).

⁸ Московское губернское управление по делам литературы и издательств.

история — русская и всеобщая, а также литература — русская и всеобщая⁹. Эстетика, читавшаяся с первых лет существования консерватории, не входила в число научных классов; она относилась к так называемым второстепенным обязательным предметам¹⁰ и причислялась к теоретическим предметам, таким как история музыки, история церковного пения, соль-феджио. Мы знаем, что с самого начала эстетику читали профессора историко-филологического факультета Императорского московского университета: в 1866–1871 — К. К. Герц (он же был первым инспектором научных классов), в конце 1880-х — М. М. Троицкий. Первый — автор серии работ по истории искусств, хранитель отделения изящных искусств и древностей Румянцевского музея, второй — один из создателей Московского психологического общества, философ-позитивист. При этом и курс эстетики, и другие лекционные курсы носили скорее ознакомительный характер. Недостаточность такого образования хорошо осознавалась руководством консерватории, и в конце XIX века созрела необходимость перемен. В первое десятилетие XX века уровень подготовки учеников «научных классов» подтянули к требованиям классических гимназий (с 1912 года эти требования были воплощены в новом учебном плане консерватории), а с 1918 года в программы «научных классов» был введен ряд курсов университетского характера, таких как «эстетика, история культуры, история всеобщей литературы, история русской литературы и русской народной словесности, история театра, история пластических искусств, история эстетических учений, история бытовых древностей западноевропейских и русских» [6, 292]. По всей видимости, именно с 1918 года курс «Истории эстетических учений» появляется в учебном плане консерватории, и в 1922 году для его чтения приглашается выпускник Московского университета А. Ф. Лосев. С середины двадцатых годов Лосев, помимо консерватории, читает курс эстетики в Московском университете (параллельно с А. В. Луначарским; см.: [8, 239]).

Лосев приступает к работе в консерватории при ректорстве Б. А. Гольденвейзера, всего месяцем ранее сменившего на этом посту М. М. Ипполитова-Иванова (который был ректором с 1906 по 2 октября 1922 года); в сентябре 1924 года на должность теперь уже директора консерватории назначается К. Н. Игумнов; наконец, в мае 1929 года (а Лосева уволят 3 октября того же года) его сменяет ректор Б. С. Пшибышевский, при котором консерваторию переименовывают в Высшую музыкальную школу им. Феликса Кона (см. №15). Заметную роль в жизни консерватории и в судьбе А. Ф. Лосева играет в этот период Н. Я. Брюсова (см. №№6, 12): в двадцатые

⁹ См., например, учебные программы консерватории 1870–90-х годов: РГАЛИ, ф. 2099, оп. №1, ед. хр. №41; РГАЛИ, ф. 2099, оп. 1, ед. хр. 5. Ч. 3. Л. 188–189 и др.

¹⁰ Именно такую формулировку мы найдем, например, в дипломе свободного художника, выданном С. И. Танееву, сдавшему эстетику на «отлично» (диплом С. И. Танеева является экспонатом государственного дома-музея П. И. Чайковского в Клину).

годы, занимая руководящие должности — являясь членом ГУСа¹¹ и заведующей музыкальными ВУЗами страны, возглавляя секцию музыкального образования, отдел художественного образования Главпрофобра¹², а также отделение Общего музыкального образования и др., — она развивает идеи музыкального образования, принадлежащие Б. Л. Яворскому. Как сотрудник консерватории Брюсова в те же годы была деканом педагогического и научно-композиторского факультетов, а также проректором по учебной части при Гольденвейзере и Игумнове (впрочем, необходимо отметить, что с 1922 по 1929 год деканом научно-композиторского (творческого) факультета был сотрудник Лосева по ГИМНу и ГАХНу Г. Э. Конюс [7, 258]). Для студентов МУНАИСа¹³, которым преподавал свой курс и Лосев, Брюсова читала курсы «Сознательное восприятие музыки», «Методика слушания музыки», «Сознательное восприятие лада и ритма» [там же, 73–74].

Масштабная университетская реформа, проводимая в эти годы, имела два следствия. Музыкальное образование теперь делилось на три уровня: низший (школьный), средне-специальный и высший (проведением реформы руководил Б. Л. Яворский), а в рамках высшей ступени впервые сформировалась факультетская система. Согласно данным, приведенным в юбилейном сборнике 1966 года, с начала двадцатых годов в консерватории было шесть факультетов, но уже к 1922 году их становится четыре, и они получают название отделов: творческий, научно-теоретический, исполнительский и инструкторско-педагогический [6, 296]. В каждом из отделов формируются специализированные «подотделы», например, в творческом отделе появляется два подотдела — композиторский и научно-музыкальный, а в инструкторско-педагогическом — подотделы общего музыкального образования и профессионального музыкального обучения [там же].

Из материалов исследуемого дела мы узнаем следующее: 15 сентября 1923 года Лосев был утвержден в должности профессора по педагогическому

¹¹ Государственный учёный совет (ГУС) — руководящий научно-методический орган Наркомпроса РСФСР, ведавший осуществлением политики государства в области науки, искусства, образования и социалистического воспитания; просуществовал с 1919 по 1933 год. В 1921 году разделен на три секции: научно-политическую, научно-техническую и научно-педагогическую. В 1923 году образована научно-художественная секция, а в 1930–1931 — секции просвещения национальностей, дошкольная, медико-биологическая, университетская и профессионально-технического образования.

¹² Главпрофобр (Главное управление профессионального образования) — центральный орган управления профессиональным образованием РСФСР в 1920–1930 годы. «В начале 1921 года произошла внутренняя реорганизация Наркомпроса. Были созданы новые главные управления: по политико-просветительской работе (Главполитпросвет), по профессиональному образованию (Главпрофобр) и другие. Председателем Главпрофобра был назначен О. Ю. Шмидт. В художественный отдел, составлявший часть Главпрофобра, входил музыкальный подотдел (МУЗО), который в те годы возглавлялся Б. Л. Яворским» [6, 294].

¹³ МУНАИС — музыкальное научно-исследовательское отделение Московской консерватории, созданное М. В. Ивановым-Борецким в 1924 году и ставшее частью научно-композиторского факультета [7, 201–202]).

отделу (см. №5, справка выдана 14 сентября 1926 года)¹⁴. Хотя сама идея педагогического образования не пользовалась в консерватории большой популярностью¹⁵, новый факультет воплощал новые тенденции образовательной политики; их, как мне кажется, разделял и Лосев, который видел свой курс как связующее звено между предметами «теоретическими», «общественными» и «чисто музыкальными» (см. №6).

Через какое-то время курс «История эстетических учений» получил более широкое распространение. В служебной записке от 5 октября 1927 года (№6) Лосев говорит о том, что свой курс он читает на двух *факультетах* (с 1922 года — на педагогическом, несколько позже — также на научно-композиторском) и упоминает о том, что его курс был обязательным для студентов МУНАИСа. Вероятно, в первой половине двадцатых курс Лосева, как и другие курсы общего и научно-теоретического характера, мог относительно свободно читаться на разных отделах (факультетах) консерватории с различной степенью вовлеченности студентов (ср. [6, 296])¹⁶.

Два события способствовали упорядочиванию и укреплению новой факультетской системы консерватории в двадцатые годы: одно повлияло на структуру образования, а второе — на его содержание. В 1926 году властями было принято «Положение о Ленинградской и Московской консерваториях», утвердившее существование в Московской консерватории трех факультетов: научно-композиторского, исполнительского и инструкторско-педагогического. А в сентябре 1927 года состоялось «второе методическое совещание по художественному образованию» Главпрофобра, на котором особое внимание было уделено усилению научно-теоретического

¹⁴ Отдел был создан в 1920 году (деканом стал Г. П. Прокофьев), набор студентов начался в сентябре 1921 года [6, 294].

¹⁵ «Возникший в 1920-е годы Инструкторско-педагогический отдел имел свои задачи. Он должен был готовить в основном преподавателей музыки для общеобразовательных школ и инструкторов художественной самодеятельности. Однако отдел “не прижился” в консерватории, главным образом, по двум причинам: сюда поступали, как правило, люди с более слабой подготовкой и музыкальными данными, чем на другие факультеты, что не способствовало профессиональному престижу консерватории. Во-вторых, приобщение к педагогической деятельности традиционно происходило в консерватории “естественным путем”, то есть непосредственно в процессе обучения и наблюдения ученика за “работой” преподавателя или его ассистента. <...> Сама профессия педагога рассматривалась как “резервная”, как профессия второго плана. <...> Подобная “дискриминация” педагогической профессии, вероятно, объяснялась тем, что Московская консерватория всегда оберегала свой статус “музыкального университета” и потому избегала “педагогического уклона”. Результат, тем не менее, оказался парадоксальным: именно Московская консерватория дала и продолжает давать всему миру выдающихся педагогов, основателей исполнительских, композиторских и музыковедческих школ», — пишет Н. А. Миронова [5].

¹⁶ Н. А. Миронова отмечает, что при Ипполитове-Иванове, в 1910-е, затем — в 1920-е годы практиковалось свободное посещение лекций: «по воспоминаниям В. Я. Шибалина, студенты имели много свободного времени, а на лекциях царил непринужденная обстановка: студент мог свободно высказывать свое мнение и даже спорить с профессором — это было счастливое время диспутов и дискуссий» [5].

и педагогического компонента в музыкальном образовании, а также подготовке специализированных пособий по соответствующим учебным предметам [там же, 300]. На результаты этого совещания ссылается Лосев в служебной записке от 5 октября 1927 года, говоря о необходимости ввести свой курс «в программу и в учебный план». По всей видимости, курс «История эстетических учений», существовавший *де-факто* несколько лет на двух факультетах, теперь *де-юре* должен был получить легитимацию в новой структуре. Кроме того, именно решения второго совещания Главпрофобра послужили, вероятно, формальным основанием для подготовки Лосевым брошюры по своему курсу, которую так и не удалось опубликовать (см. №№ 10–13).

Служебная записка, датированная 17 мая 1927 года, адресована в деканат научно-композиторского факультета. Из ее содержания мы можем заключить, что в 1927 году Лосев читает свой курс исключительно для студентов МУНАИСа, составляющих лишь часть факультета; из текста записки остается неясным, читал ли Лосев по-прежнему на инструкторско-педагогическом факультете, однако по общему содержанию записки можно предположить, что к концу 1927 года курс был существенно сокращен и в объеме учебных часов, и в аудитории. Нет ясности в том, к какому структурному подразделению относился в 1927 году сам Лосев.

Приведенные документы, как мне кажется, красноречиво свидетельствуют о двух вещах: 1) Лосев поддерживал идею Яворского о создании *музыкального университета* и видел свою научно-педагогическую задачу в дальнейшей универсализации консерваторского образования; 2) после 1927 года и в особенности в 1929 году, когда начались критические выпады против Лосева со стороны власти, содержание и идейное наполнение курса, читаемого Лосевым, все меньше устраивает руководство Консерватории (см., например, №№ 12 и 13), и 3 октября 1929 года Лосев отчислен из числа преподавателей консерватории.

После «выбытия» Лосева (см. № 14) курс «История эстетических учений» продолжали читать еще несколько лет¹⁷. В 1933 году курс с тем же названием читался в Школе высшего художественного мастерства («Мейстершуле»), открытой при консерватории¹⁸. К концу сороковых годов его постепенно вытеснил курс «Основы марксистско-ленинской эстетики», читавшийся без изменений вплоть до начала девяностых.

¹⁷ Примерно в те же годы курс с таким же названием читал на историко-археологическом отделении МГУ проф. В. Ф. Асмус в рамках философского цикла [6, 242]. Ср. также книгу известного советского искусствоведа И. Л. Мацы «История эстетических учений» (М.: Изд-во МГУ, 1962).

¹⁸ Школа высшего художественного мастерства («Мейстершуле») была создана в консерватории наряду с аспирантурой, которая предназначалась только для подготовки композиторов, музыковедов и педагогов высшей квалификации. Задачей «Мейстершуле» являлось совершенствование талантливых исполнителей, окончивших консерваторию [6, 297].

Сегодня преподавание эстетики в Московской консерватории тяготеет к восстановлению утраченной преемственности. В девяностые годы профессор Т. В. Чередниченко возродила в консерватории преподавание гуманитарных дисциплин, создав Центр гуманитарного знания и кафедру гуманитарных наук. Отмечу, что разрушенная связь поколений была частично восстановлена и на персональном уровне. Профессор В. Г. Кисунько (1940–2010), который возглавил кафедру в 2007 году и в течение нескольких лет читал в консерватории обновленный курс эстетики, и его супруга, профессор МГУ, выдающийся историк книжного дела в Московской Руси и исследователь старообрядчества, И. В. Поздеева в семидесятые–восемидесятые годы были связаны тесными дружескими отношениями с А. Ф. Лосевым и его семьей. В архиве Василия Григорьевича хранятся книги Лосева с его автографами и дарственными надписями¹⁹.

3. *Каков был фундамент лосевского курса эстетики? Чьим учеником был Лосев – преподаватель эстетики?* В одном из документов дела читаем: «Необходимо поставить этот предмет («Историю эстетических учений». — Р. К.) в ближайшее отношение к современным исканиям в области музыкальной теории и практики, равно как и вообще к современным течениям философской, эстетической и социологической мысли» (см. №8). Мне кажется в данном случае принципиальным указать на строго философское понимание эстетики, вынесенное Лосевым из стен Московского университета. Как отмечает историк университетского образования А. Т. Павлов, полноценная профессиональная подготовка философов в Императорском московском университете началась только в 1906 году. Прежде на протяжении десятилетий (после николаевских гонений на любомудрие) философия читалась в университете в качестве общеобразовательного предмета. С приходом в ИМУ киевского профессора Г. И. Челпанова стало возможным создание на историко-филологическом факультете философского отделения, состоявшего, в свою очередь, из трех секций: истории философии, психологии и систематической философии [8, 201]. Курс эстетики читался только в секции систематической философии [там же, 202]. Созданное большими трудами философское отделение историко-филологического факультета было ликвидировано в 1921 году. В тридцатые годы в МГУ читались уже только курсы исторического и диалектического материализма, а также курс истории и философии естествознания. Напомню, что Лосев в 1911–1915 году проходил обучение в Университете сразу по двум отделениям: философскому и классической филологии; таким образом, он получил поистине уникальную подготовку: по собственному почину стал «филологом

¹⁹ Отмечу, что в последние годы все теснее становится сотрудничество МГК с Домом-музеем А. Ф. Лосева на Арбате при активном личном участии доктора филологических наук, зав. отделом мемориальной работы и изучения наследия А. Ф. Лосева Елены Аркадьевны Тахо-Годи и старшего научного сотрудника сектора изучения наследия А. Ф. Лосева Виктора Петровича Троицкого.

и философом» именно в тот краткий период, когда Университет готовил профессиональных философов.

Традицию изучения эстетики в России, как отмечает историк эстетики и соавтор Лосева в пятидесятые-семидесятые годы В. П. Шестаков, заложили магистр Московского университета И. Н. Средний-Камышев (в его работе «О различных мнениях об изящном», 1829, рассматривались эстетические учения от античности до XIX века), а также профессор Харьковского университета И. Я. Кроненберг (чьи исследования «Исторический взгляд на эстетику», 1830, и «Материалы по истории эстетики», 1831, как отмечает Шестаков, базировались, главным образом, на немецкой классической эстетике до Гегеля) [15, 15]. Курс Лосева, таким образом, складывался в рамках уже существовавшей университетской традиции изучения и преподавания эстетики. Название курса также не было новым. В программе курса Лосев ссылается на своих непосредственных предшественников и учителей — Н. В. Самсонова и его «Историю эстетических учений» (Изд. Общ-ва при историко-философском факультете Московских высших женских курсов, 1912–1913), А. М. Миронова («История эстетических учений», Казань, 1913) и Е. В. Аничкова («Очерк развития эстетических учений» в журнале «Вопросы теории и психологии творчества» №6, 1915, издававшемся в Харькове). Как полагает В. П. Шестаков, названные труды отечественных историков «по уровню информативности, широте исторического охвата» не уступали своим западным образцам [там же].

Наиболее сильное влияние на Лосева оказал курс, читавшийся приват-доцентом ИМУ, переводчиком и комментатором Плотина Николаем Васильевичем Самсоновым (1878–1923?), которого Лосев, по свидетельству биографов, выделял среди своих учителей. Отметим, что с 1904 года Н. В. Самсонов преподает в МГК историю²⁰. В курсе истории эстетических учений²¹, который, возможно, также читался Самсоновым в консерватории, после общих вводных положений автор рассматривал учение малоизвестного тогда в России Дж. Вико и оценку его исторической важности для эстетики в сочинениях Бенедетто Кроче. В основном курс Самсонова строился по историческому принципу — от античности (Сократ, Платон, Аристотель, Плотин) и средних веков к Новому времени (Буало, Шефтсбери,

²⁰ Из личного дела Н. В. Самсонова: «Родился 28 апреля 1878 года, православного вероисповедания, содержания получает 300 руб. в год. Происходит из мещан города Казани. Окончил Самарскую мужскую гимназию (1897), окончил ИМУ по историко-филологическому факультету (1904). Приглашен на службу в Моск. Конс. Императорского русского муз. общ-ва (1904, 1 сентября). Женат на дочери управляющего акцизными сборами Екатеринославской губернии Инне Григорьевне (урожд. Ворониной). Имеет дочь Нину, род. 13 июля 1905 г. Жена и дочь вероисповедания православного» (РГАЛИ, ф. 2099, оп. №1, ед. хр. №21. Личные дела педагогов с 1866 по 1918 гг.).

²¹ Об эстетике как предмете Самсонов писал: «Эстетика представляет собой весьма разработанную, но, тем не менее, незаконченную, спорную дисциплину, и проблемы ее весьма запутаны. Несмотря на это, именно в настоящее время интерес к ней растет, не только среди специалистов, но и среди широкой публики» [7, 18].

Хатчесон, Хоум, Бёрк, Лейбниц, Баумгартен, Кант и др.) и современности. Эстетика XIX века была представлена, главным образом, разбором учений Ф. Шиллера и И. Гербарта, а также Шеллинга, Гегеля и Шопенгауэра. Далее рассматривалась экспериментальная психологическая эстетика Г. Т. Фехнера, теория *вчувствования* (Лотце, Роберт Фишер, Карл Гроос, Пауль Штерн и др.) и теория игры. Последний раздел курса был посвящен идеям современников Самсонова — К. Ланге, Ст. Витасека и В. Воррингера (см. [9]). Если обратиться к программе курса Лосева (см. №7), то становится очевидной преемственность двух курсов, проявляющаяся, главным образом, в обращении к истории эстетики и к эстетике как философской дисциплине.

В начале своей программы Лосев указывает на работы по эстетике Р. Циммермана, М. Шаслера, Б. Бозанкета и др. Ссылка на данные работы помещает курс Лосева в контекст единой европейской научной традиции. Работа профессора Пражского университета Р. Циммермана «История эстетики как философская наука», вышедшая в Вене в 1858 году, считается первым фундаментальным сочинением по истории эстетики. Интересно, что в этой работе, подробно рассматривавшей и античную, и новоевропейскую эстетику, фактически отсутствовало рассмотрение эстетики средних веков, эпохи Возрождения, XVII века. В этом отношении характерно следующее замечание Циммермана: «С III по XVIII века история философии красоты и искусства представляет собой не что иное, как огромный пробел» (цит. по: [15, 12]). В 1872 году вышла «Критическая история эстетики» неогегельянца М. Шаслера. Исследователь подходит к философии с системно-философских позиций: рационализму Гегеля он противопоставляет «иррационализм» его критиков, также как анализу прекрасного — анализ безобразного. Еще одной основополагающей историей эстетики стала работа английского философа Бернарда Бозанкета — «История эстетики» (1892), в которой отдано предпочтение историко-проблемному подходу [там же, 14] и гораздо большее внимание по сравнению с предшественниками уделено эстетике Средних веков и раннего Нового времени. Шестаков отмечает, что для своего времени «История эстетики» Б. Бозанкета носила новаторский характер [там же].

Таким образом, мы можем отметить, что в программе своего курса Лосев ориентировался на классические работы западноевропейских ученых, с одной стороны, а с другой, продолжал и развивал российскую традицию преподавания этой дисциплины.

4. *Как соотносится лосевский курс с его научными взглядами?* Годы, в которые Лосев работает в консерватории, без сомнения составляют период его творческого акме. 23 мая 1922 года Лосев женится на Валентине Михайловне Соколовой, венчает их о. Павел Флоренский. Живут Лосевы в доме на Воздвиженке, о чем есть запись в анкете (№1). В это время он пишет и публикует свое знаменитое «восьмикнижие», в том числе книгу «Музыка как предмет логики», активно сотрудничает в Психологическом институте Г. И. Челпанова, в ГИМНе и ГАХНе. Еще в конце десятих годов в институте

Челпанова Лосев проводит серию экспериментов по психофизиологии музыкального восприятия. В ГИМНе Лосев пишет серию статей по русской и европейской музыке (действительный член с 1921 года). Степень же вовлеченности Лосева в работу ГАХНа, в котором он числится с 1923 года, поражает. Лосев занимает там следующие должности: заведующий Музыкально-психологической комиссией (1924), председатель комиссии по форме Философского отделения (1924–25; понятия «внутренняя форма», «структура» — важнейшие для терминологических штудий ГАХНа), член комиссии по изучению художественной терминологии при Философском отделении (1928), заместитель председателя комиссии по изучению истории эстетических учений, член президиума и ученый секретарь комиссии по музыкальной психологии; в 1929 году приглашен и дал согласие занять должность ученого секретаря группы по изучению музыкальной эстетики. Отчислен 1 февраля 1930 года. В том же году ГАХН прекратил свое существование [1, 199].

В ГАХНе Лосевым было написано несколько десятков статей, прочитано более сорока докладов [там же, 197–199]. Именно в период работы в ГАХНе Лосев формулирует свое понимание эстетики, которую рассматривает, вслед за немецкими идеалистами, прежде всего, как завершительный момент онтологии. Большая часть пунктов программы курса истории эстетических учений (см. №7) находит свое основание в научно-философских штудиях Лосева этих лет. Приведу только один, наиболее красноречивый текстологический пример, который показывает *единство мышления, исследования и преподавания*. Так, в программе курса мы читаем: «XV. КАНТ и первое критическое обоснование эстетики. Основоположения аналитики прекрасного. Аналитика возвышенного. Учение об идеале. Искусство. Гений. XVI. ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РОМАНТИЧЕСКОЙ ЭСТЕТИКИ. Подготовка романтического универсализма в мировоззрении Гете и Шиллера. Эстетическое Кантианство Шиллера. Спинозистский платонизм Гете. Эволюция эстетического мирозерцания Фр. Шлегеля. Фихте и его значение в истории романтической диалектики прекрасного. Тик, Новалис и Ваккенродер. Шеллинг и его отношение к романтизму. Система “трансцендентального идеализма” и “Философия искусства”» (см. №7).

Прочитую теперь тезисы доклада, прочитанного на философском отделении ГАХНа в комиссии по истории эстетических учений в 1925 году «Диалектика в немецкой эстетике конца XVIII века», а также фрагмент из знаменитого 55-страничного примечания в книге «Диалектика художественной формы» 1927 года. В обеих предложенных цитатах Лосев повторяет одни и те же имена, отработывает и варьирует сходные формулировки и формулы (курсив в последующих двух обширных цитатах мой. — Р. К.).

1) Тезисы (1925):

1. *Диалектика* вырастает в соответствующие эпохи как смысловое конструирование мироощущения, ставящего своей главной задачей универсальное, антиномико-синтетическое видение вещей в разуме.

2. Эстетика 90-х гг. 18 века в Германии имеет под собой «*Критику силы суждения*» (1790) Канта, ввиду того, что философия Канта есть тоже попытка видеть вещи в разуме и попытка выведения трансцендентальной необходимости и самостоятельности искусства. В прочих отношениях (и, главным образом, в своем субъективизме и борьбе с интуитивизмом) Кант шел мимо эстетики 90-х гг.

3. Подлинным опытным основанием для эстетики 90-х гг. и ее диалектики явились некоторые литературные настроения предыдущих десятилетий, главным образом *Гёте-Шиллеровский платонизм с кантианскими привнесениями* и *Гётевский мистический спинозизм*.

4. Фридрих Шлегель, главный представитель эстетики первой половины и середины 90-х годов, идет от Шиллеровского философствующего классицизма через Канта к превалированию *мистического антиномизма* и *напряженного религиозного сознания*.

5. Первым подлинным *диалектиком*, соответствующим уже универсалистско-антиномическому мироощущению, является *Фихте*, труды которого (с 1794 г.) ложатся в основу романтической теории искусства и жизни.

6. Дальнейшее развитие диалектики в эстетике 90-х гг. было пополнением и развитием отдельных сторон Фихтевского «Наукоучения».

7. Три момента имели особенно большое значение в формировании *диалектической эстетики* второй половины 90-х гг.: 1) *философия природы* Шеллинга и его эволюция от физицизма к идеализму; 2) мистическая стихия ощущений природы и духа у *Новалиса*, *Тика* и *Вакенродера*; 3) *философия религии* Шлейермахера.

8. Результатом этих тенденций, приведших прежнее диалектическое фихтеанство к диалектически-романтической эстетике Шеллинга и реформировавших *кантианствующий и спинозирующий классицизм* Шиллера и Гёте к мистической диалектике «философии тождества» является «*Система трансцендентального идеализма*» (1800), оказавшаяся настолько же завершительным моментом для всей диалектики 90-х гг., насколько и развитием и систематизацией всех таившихся в ней смысловых возможностей [1, 215].

2) Примечание к «Диалектике художественной формы» (дано к разделу «Резюме феноменолого-диалектического анализа понятия художественной формы»):

В основе этого периода лежит, конечно, «*Критика силы суждения*» Канта, появившаяся в 1790 г. Несмотря на то, что Кант в значительной мере оказался представителем старой рационалистической метафизики, не относившимся иначе к диалектике, как с насмешкой и бранью, оставляя ей скромное место разоблачительницы «трансцендентальных иллюзий», равно так же, несмотря на то, что Кант как личность был натурой совершенно бесчувственной в отношении всякого романтизма, — несмотря на все это Кант есть именно то самое зерно, из которого вырастает немецкая романтическая и диалектическая философия [2, 223].

Романтическое мироощущение отличается от эпохи «бури и натиска» преклонением перед разумом. Ни *эстетическое кантианство* Шиллера, ни *спинозистский платонизм* Гёте не имели такого интенсивного вкуса к философии разума, которым отличались романтики [там же, 230].

[О трех недостатках диалектики Фихте: нехватка выраженности и эмоциональности, отсутствие должного внимания к природе и религии] И вот первый недостаток восполнили первые представители романтической поэзии — *Тик, Ваккенродер... и Новалис...* Вторую задачу разрешил Шеллинг своими натурфилософскими трактатами 1797–1799 гг. Третий недостаток был восполнен Шлейермахером в его «Речах о религии» (1799) и «Монологам» (1800). *Настроительно-опытным и религиозно-художественным, мистическим* средоточием всех этих идей был в эти годы Фр. Шлегель, а *конструктивно-логическим* выразителем этого средоточия, на этот раз уже с полной диалектикой и искусства, явился Шеллинг в своем знаменитом трактате «*Система трансцендентального идеализма*» 1800 г. Тут впервые искусство и эстетика получили *диалектическую* разработку [там же, 233–234].

В ГАХНе Лосев не только рецепирует наследие немецкого идеализма, но и формирует принципиально новое понимание эстетики как *науки о выражении*. Характерно в этом отношении обсуждение лосевского доклада «Система эстетических модификаций» (прочитан 13 ноября 1928 года; тезисы не сохранились): «...Утверждение, что есть миллионы эстетических категорий, показывает, что докладчик не различает выражаемого от эстетического...» [10, 466]. Сложная и до сих пор не нашедшая систематического развития идея о том, что эстетика — это наука о выражении, обсуждается Лосевым в тексте 1979 года, посвященном тому, как преподавать эстетику: «*Во всякой философской системе, даже самой абстрактной и даже самой метафизической, кроются иной раз отдельные категории, которые либо разработаны прямо эстетически, либо имеют эстетический налет в своем конструировании* [4, 233]. <...> Применение указанных у нас выше методологических предпосылок в истории эстетики должно сделать эту дисциплину очень богатой, глубокой и сложной [там же, 238]. <...> Как мы указали выше, история эстетики имеет своим источником не только философские системы, бывшие в истории, но также искусство, мораль, общественность, политику и многие другие слои исторического процесса. Само собой ясно, что построение истории эстетики в этом виде покамест является делом не очень близкого будущего» [там же]. Мне кажется, что последние слова — это завуалированный намек на *дело не очень отдаленного прошлого*, о котором открыто не приходится говорить даже в 1979 году, — дело Лосева-преподавателя, выведшего курс эстетики на новый уровень, едва ли доступный как тогдашним оппонентам, так и нынешним подражателям.

И, наконец,

5. *Каким преподавателем был Лосев?* К сожалению, до нас не дошли воспоминания учеников Лосева, за исключением весьма противоречивых

показаний студентов на допросах [13]. В научный обиход до сих пор не введены какие-либо слушательские записи курса. Зато до нас дошло свидетельство самого Лосева, дерзкое, остроумное и не лишенное элементов эпатажа, карнавала и гротеска — то есть всего того, что разительно отличает раннюю прозу Лосева двадцатых годов (хотя цитируемая работа — «История эстетических учений» — датирована 16 декабря 1934 года). В предисловии к изложению «ИЭУ» Лосев рассказывает о том, как читался им этот курс.

Курс претендовал «если не на популярность изложения», то, во всяком случае, «на более свободное и менее сухое и академическое изложение», хотя одновременно он преследовал и научно-исследовательские задачи. Лосев признается, что не мог не «гнаться за двумя зайцами» и сочетал строгое следование научным целям с темпераментным рассказом очевидца [3, 323]. Приведу две наиболее характерные цитаты: «Указавши на общее место эпического мироощущения в системе античной культуры, я не переходил прямо к досократикам и прочим философам. Я начинал увлекаться разными красивыми деталями гомеровского эстетического сознания и не жалел времени ни на тексты, ни даже просто на анекдоты, надеясь, что иные анекдоты из Гомера гораздо ярче обрисуют эпос, да и не только эпос, но и всю античность, чем иное очень ученое и абстрактное изложение. <...> Даже в ненавистном мне немецком механистическом материализме середины прошлого века, в этой мертвой мысли и мертвых чувствах, я искал интимно-эстетические моменты. И я их находил — прочитайте, что пишет о красоте материи Бюхнер в своей когда-то знаменитой «Силе и материи»... Легко было говорить о мистицизме Плотина, о романтике Новалиса или о мифологии Рихарда Вагнера, хотя мои собраты по ремеслу сумели угробить даже эти слишком бьющие в глаза факты духовной культуры. Но не легко было понять интимно-эстетический опыт рационалистов, логицистов, всякого рода интеллектуалистов и естествоведов; и не легко было излагать это так, чтобы у студентов оставалось после занятий что-то живое и убедительное, что когда-то было моментом в истории и что заставляло людей мыслить именно так, а не иначе. Поэтому для меня было очень важно, что Сократ перед смертью хотел заниматься музыкой, что Эпикур посещал храм, что Декарту постоянно снились черные пропасти, что Гегель называл свое логическое понятие «ночью божественной мистерии», что Дарвин был церковным старостой, а Менделеев — тайным советником и директором департамента, что Кант занимался онанизмом, а Байрон — педерастией. Вероятно, многим эти «анекдоты» покажутся посторонними и неинтересными в историко-философском труде, но я должен признаться: часто, очень часто я просто не мог преодолеть в себе этого инстинкта вечных сопоставлений; и уж не знаю, стремление ли быть понятным и живым рассказчиком, или еще какой другой метафизический аффект действовал во мне, но это — факт, факт моей внутренней работы, как бы к нему ни относиться» [3, 324].

Себя Лосев сравнивал с актером, которому приходится за один спектакль неоднократно перевоплощаться: «В этом методе изложения истории философии я всегда испытывал некое тонкое и сладкое, а может быть, даже внутренне-циничное ощущение, родственное тому, которое, по-видимому, переживают многие актеры и музыканты, у которых профессия — вечно не быть самими собою, а что-то и кого-то изображать. С течением лет у меня почему-то выработалась привычка излагать философские системы так, как будто бы я был их автором и пропагандистом; и часто я просто забывал, что моими устами говорит какой-нибудь Пиррон, Мейстер Экгарт или Спиноза. Эта привычка старого педагога вдалбливать и заинтересовывать независимо от ценности самих объектов — часто приносила мне прямой вред, создавая врагов там, где для этого не было решительно никаких оснований. Особенно я страдал от случайных посетителей моих лекций, тех гастролеров, у которых напористость была часто обратно пропорциональна их учебе и прилежанию. Иной забредет, бывало, ко мне на лекцию, где я излагаю какого-нибудь Фому Аквинского или Шефтсбери, и — о ужас! — что же он слышит?! Он слышит проповедь католичества и восхваление папства, он слышит славословие лордам и проповедь английского дендизма. Пойди потом доказывай, что католический аристотелизм тебе претит и что лорды для тебя — главным образом только этнография» [3, 324–325].

В публикации вниманию читателей впервые предлагаются документы из личного дела Лосева, представляющие наибольшую историко-философскую ценность.

Использованная литература

1. Дунаев А. Г. Лосев и ГАХН (исследования архивных материалов и публикация докладов 20-х годов) // А. Ф. Лосев и культура XX века. Лосевские чтения. М.: Наука, 1991. С. 197–220.
2. Лосев А. Ф. Диалектика художественной формы // Форма — Стиль — Выражение / сост. А. А. Тахо-Годи, послесл. В. В. Бычкова, М. М. Гамаюнова. М.: Мысль, 1995. С. 5–296. (Библиотека «Философское наследие»).
3. Лосев А. Ф. История эстетических учений // Форма — Стиль — Выражение / сост. А. А. Тахо-Годи, послесл. В. В. Бычкова, М. М. Гамаюнова. М.: Мысль, 1995. С. 321–404. (Библиотека «Философское наследие»).
4. Лосев А. Ф. Две необходимые предпосылки для построения истории эстетики до возникновения эстетики в качестве самостоятельной дисциплины // Эстетика и жизнь. Вып. 6. М.: Искусство, 1979. С. 221–238.
5. Миронова Н. А. Московская консерватория: Истоки: Воспоминания и документы. Факты и комментарии. М., 1995. URL: <http://www.mosconsv.ru/ru/book.aspx?id=127532> (дата обращения: 01.12.2015).
6. Московская консерватория 1866–1966. М.: Музыка, 1966. 726 с.
7. Московская консерватория. От истоков до наших дней. 1866–2006. М.: Московская консерватория, 2007. 668 с.

8. Павлов А. Т. *Философия в Московском университете*. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2010. 288 с.
9. Самсонов Н. В. *История эстетических учений: Лекции, читанные на Высших Женских Курсах в 1914/1915 учеб. году*. [М.]: Типолиитография С. М. Мухарского, б. г. 346 с.
10. *Словарь художественных терминов*. ГАХН. 1923–1929 / Сост. И. Чубаров. М.: Логос-Альтера, 2005. 504 с.
11. Смыка Е. А. А. Ф. Лосев — профессор Московской консерватории // *Философия. Филология. Культура: К столетию со дня рождения А. Ф. Лосева (1893–1993)*. М.: Изд-во Московского университета, 1996. С. 273–278. (Вопросы классической филологии; вып. 11. Лосевские чтения).
12. Тахо-Годи А. А. *Лосев*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 2007. 534 [10] с. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1076).
13. Холопов Ю. Н. Лосев в Московской консерватории: К истории ареста... // *Musiqi Dünyasi*. 2002. №3–4. С. 12–20. URL: <http://harmony.musigi-dunya.az/rus/archivereader.asp?s=1&txtid=56> (дата обращения: 15.11.2015).
14. Холопов Ю. Н. *Русская философия музыки и труды А. Ф. Лосева* // *Философия. Филология. Культура: К столетию со дня рождения А. Ф. Лосева (1893–1993)*. М.: Изд-во Московского университета, 1996. С. 240–248. (Вопросы классической филологии; вып. 11. Лосевские чтения).
15. Шестаков В. П. *История эстетических учений*. М.: УРСС, 2008. 408 с.

ДОКУМЕНТЫ ИЗ ЛИЧНОГО ДЕЛА А. Ф. ЛОСЕВА В АРХИВЕ МОСКОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ¹

1 А, Б. АНКЕТА

Без подписи, заполнена 5 декабря 1923 года
женой А. Ф. Лосева В. М. Лосевой²

МОСКОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ

Отдел. *Педагогич<еский>*³

ЛИЧНЫЙ ЛИСТОК НАУЧНОГО РАБОТНИКА

1. Фамилия, имя и отчество. *Лосев Алексей Петрович* [зачеркнуто]
Федорович

2. Занимаемая должность в настоящее время с указанием штатн. или
сверхштат. *Профессор штатный.*

3. Время и место рождения. *Новочеркасск Донской обл., 1893 г.*

4. Пол. *Муж.*

5. Образовательный ценз / когда и какой ВУЗ окончил / *оконч.<ил>*
истор.<ико>-филологич.<еский> факульт.<ет> Моск.<овского>
Унив.<ерситета> в 1915 г.

6. Специальность / указать читаемый курс / *Введение в философию.*

7. Квалификационная категория, установленная экспертной комиссией
ЦЕКУБУ⁴. *II категор.<ия>*

8. Отношение к воинской повинности / Где состоит на учете, № карточ-
ки и категории. *8-е отд.<еление> Милиции, №87, кат.<тегория> б б.*

9. Партийность. *беспарт.<ийный>.*

¹ Фотокопии документов см. на цветной вкладке. Нумерация публикуемых ниже текстов документов соответствует нумерации их фотокопий.

² Принадлежность почерка установлена В. П. Троицким.

³ В данной публикации курсивом воспроизводятся (а) рукописные документы и (б) рукописные вставки в машинопись.

⁴ ЦЕКУБУ — Центральная комиссия по улучшению быта ученых при Совете народных комиссаров РСФСР, исполнительный орган советской власти, в задачи которого входило создание рабочих условий для научных работников в условиях военного коммунизма. Существовала с 1921 по 1937 год. Как отмечают комментаторы, «эмигрантские газеты дали об этом информацию следующим образом: “Советская власть установила ‘академическое обеспечение’ разных категорий. В высшую пятую категорию попали: Станиславский, Шаляпин, Ермолова, Васнецов, Глазунов. В четвертую — Мейерхольд, Гельцер, Южин, Вл. Немирович-Данченко, Кастальский, Гречанинов, Ипполитов-Иванов, Конюс, Коровин, Коненков, Жолтовский, Брюсов, Демьян Бедный, Луначарский. В третью: Качалов, Москвин, Лилина, Бахрушин, Малявин, Кончаловский, Машков, Сабанеев, Гольденвейзер, Коган, Есенин и др.” (газ. “Руль”, Берлин, 1923, 22 (9) февр., №679, с. 5; газета “Сегодня”, Рига, 1923, 25 февр., №44, с. 4, в заметке без подписи “Академическое обеспечение”). С окт. 1923 г. натуральный паек ученым и деятелям литературы и культуры был заменен денежным...» (комментарии в кн.: Есенин С. А. ПСС: в 7 т. Т. VII. Кн. 2. М.: Наука, 2000. С. 333).

10. В каком профсоюзе состоит и с какого времени. *Всерабис*⁵ с 1 / I 1922 г.
11. Семейное положение / женат, холост / *женат*.
Состав семьи. *Жена, двое родств.<енников> жены и брат ее.*
12. Получаемое вознаграждение по службе и разряд тарифной ставки. *13–17 разр.*
13. Начало службы в занимаемой ныне должности. *с ноября 1922 г.*
14. В каких еще уч. заведениях состоит на службе. *II-м Моск.<овском> Гос.<ударственном> У-<ниверсите>те.*
15. В каких еще учреждениях состоит на службе одновременно с вышеуказанной. *В Росс.<ийской> Акад.<емии> Худ.<ожественных> Наук.*
16. Начало научной деятельности по специальности. *1915 г.*
17. Предшествовавш. общественная деятельность.
- а/ работа в партийных органах
 - б/ в советских организ. *1918 г.*
 - в/ в профорганизациях
 - г/ в научных обществах. *с 1911 г.*
18. Краткое изложение предшествующей службы.
- 1) *с 1915 по 1919 преподавал в разных средних учебных заведениях Москвы.*
 - 2) *с 1919 по 1921 г. профессор Нижегород.<одского> Госуд.<арственного> Университета.*
 - 3) *с 1921 по наст. препод.<аватель> высш.<их> учебн.<ых> завед.<ений> Москвы и член научных институтов.*
19. Перечень важнейших работ и трудов с указанием времени их <публикации>.
- 1 — *К психологии творчества Римского-Корсакова в журн.<але> «Музыка».*
 - 2 — *Два мировоззрения из впечатлений от итальянской музыки, в сб. «Жертвам войны».*
 - 3 — *Учение Платона об Эросе – в сборн. проф. Челпанова. М., 1916 г.и др.*
20. Последующие перемены на службе.
21. Время выбытия из ВУЗ'а.
22. Особые примечания.
23. Точный адрес и № телефона. *Воздвиженка, 13, кв. 12, т. 1–37–43.*
Дата заполнения. *5 / XII–23 г.*
Подпись.

⁵ Всерабис, или РАБИС, — Всесоюзный профессиональный союз работников искусств, массовая организация в СССР, существовавшая с 1919 года и объединяющая на добровольных началах работников различных искусств, в том числе профессиональные союзы — Союз актеров, Союз живописцев, Союз скульпторов, Союз оркестрантов и т. д.

* * *

2. УДОСТОВЕРЕНИЕ

о прекращении работы в 23-й школе Хамовнического района.

Выдано 29 сентября 1924 года. Работа в школе окончена 16 августа 1924 года

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Выдано настоящее бывшему школьному работнику 23-й Школы Хамовнич. р-на Ал. Фед. ЛОСЕВУ в том, что он действительно за август мес. получил жалованье в сумме 18 руб. 60 коп. Отчислен с 16. VIII.-24 года.-

Выдано на предмет представления в Консерваторию.

Зам. Зав. Школой.

Секретарь – Дубровская

* * *

3. СПРАВКА

подтверждающая работу во 2-м Московском государственном университете в должности преподавателя (датирована 29 сентября 1924 г.). С 1 июня 1924 Лосев числится там профессором [12, 504]⁶.

СПРАВКА.

Сие выдано для предоставления в Консерваторию в том, что Лосев А. Ф. состоит на службе во 2-м Моск. Гос. Университете, находящемся на госбюджете, в должности преподавателя и получил жалованье за август 1924 г. по 16 разряду в сумме 33 руб. 60 коп., за сентябрь жалованье не получает.

Пом. Секретаря

Зав. Личным Составом

* * *

4. УДОСТОВЕРЕНИЕ РАХН

о том, что Лосев состоит штатным членом

Музыкальной секции Академии (датирована 29 сентября 1924 г.)

Для предоставления в Консерваторию.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Российская Академия Художественных Наук настоящим удостоверяет, что А. Ф. ЛОСЕВ состоит штатным членом музыкальной секции Академии и жалованье за сентябрь м-ц с / г. получил в сумме 21 руб. 60 коп. Учреждение находится на госснабжении.

Зав. Канцелярией

Делопроизводитель

⁶ Список литературы см. выше, при Предисловии к данной публикации.

5. СПРАВКА

об утверждении А. Ф. Лосева в должности
профессора МГК 15 сентября 1923 г. в соответствии
с протоколом Научно-Художественной секции ГУСа⁷ № 14 / 44

СПРАВКА.

Дана сия профессору Московской Государственной Консерватории А. Ф. ЛОСЕВУ в том, что он утвержден в вышеназванной должности по Педагогическому отделу М. Г. К. Научно-художественной секции ГУС-а в заседании 15-го сентября 1923 г. / прот. Н.-Х. Секции ГУС-а № 14 / 44 / Секретарь Научно-Художественной Секции ГУС-а 14 / IX 26 г.

* * *

6 А, Б. СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

о курсе «История эстетических учений» (с оборотом)

К<.> С<.> Милашевич

Н<.> Я<.> Брюсовой [зачеркнуто]

Просим дать заключение предм<етную> комиссию по обществ<енно>-научным дисциплинам.

НБ 14 / X [Н. Брюсова?]

Протокол № 6 От 1 / XI

Протокол № 6 [первоначально 5, исправлено] 1 / XI-27.

В общественно-научную предметную комиссию М. Г. К.

Лосева Алексея Федоровича, профессора М. Г. К.

Настоящим имею честь заявить следующее.

Я в течение последних шести лет читаю сначала на Педагогическом, а потом на Научно-Композиторском Факультете, Историю эстетических учений, обязательную для студентов «Мунаиса»⁸. Так как во всей Консерватории не имеется курса, который бы связывал предметы теоретические и общественные с чисто музыкальными, то я считал бы необходимым включение этого курса (или аналогичного ему, в роде «общего искусствоведения», читавшегося мною в других ВУЗ'ах) в число предметов общественно-научного цикла. Побуждает меня к этому также и то, что Методическое совещание по <нрзб> предметам при Главпрофобре⁹, состоявшееся 6 сент. с. / г., безоговорочно стало на точку зрения подготовки в художественных ВУЗ'ах не только [оборот] чутких

⁷ См. Предисловие к публикации, примеч. 11.

⁸ См. Предисловие к публикации, примеч. 13.

⁹ См. Предисловие к публикации, примеч. 12.

технических мастеров музыки, но и широко образованных в художественном смысле культурных работников. Принимая во внимание, что Комиссия два года назад уже одобрила мой курс и постановила ввести его в программу и учебный план, но не вводила по независящим от нее обстоятельствам, я и осмеливаюсь в настоящее время вновь напомнить о необходимости введения такого курса с широкой программой и с возможностью использования некоторого времени для семинарских занятий. Мне необходимо 2–3–4 часа для – в зависимости от широты заданий.

Мною приготовлена для «Музык.<ального> образования» статья о преподавании эстетики и ее истории в западных ВУЗ'ах, обнаруживающая нашу большую отсталость и архаизм в этом отношении.

Прилагаю при сем примерную программу Курса, которая, разумеется, может быть видоизменена Комиссией в разных направлениях.

А. Лосев

Москва. 5 октября 1927.

* * *

7. ПРОГРАММА КУРСА «ИСТОРИЯ ЭСТЕТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ»

ПРОГРАММА И ЛИТЕРАТУРА ПО КУРСУ А. Ф. ЛОСЕВА «ИСТОРИЯ ЭСТЕТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ»

I. ИСТОРИЯ ЭСТЕТИКИ КАК НАУКА. Основные направления и методы.

Критический обзор главнейших изложений истории эстетики. Р. Циммерман. М. Шаслер. Г. Лотце. Э. Ф. Гартман. Б. Кроче. Б. Бозанкет.

R. Zimmermann. Gesch<ichte>. d <er> Ästh<etik> als ph<ilosophischer> Wis<senschaft>, Wien 1858.

M. Schasler. Ästhetik als <P>h<ilosophie> des Schönen u<nd> d<er> Kunst. 1 Bd., Berlin, 1871.

H. Lotze. Gesch. d. Ästh<etik> in Deutschl<and>, Münch., 1868.

H. v. Stein, D<ie> Entstehung d<er> neuen Ästh<etik>. Stuttg. 1886.

E. v. Hartmann, Ästhetik, I. Teil: D<ie> Deutsche Ästh<etik> seit Kant, Berl<in>. 1886.

V. Bosanquet. History of Aesthetics.

A. М. Миронов. История эстетических учений. Каз., 1913.

Е. В. Аничков. Очерк истории эстетических учений. Вопр. теор. и психол. Творч., Т. V. Харьк. 1915.

II. АНТИЧНАЯ ЭСТЕТИКА. Общая характеристика и обзор периодов.

Ed. Müller. Gesch<ichte> d<er> Theorie d<er> Kunst bei den Alten. I – II.

Jul. Walter Gesch<ichte> d<er> Ästhetik im Altertum. Lpz. 1893.

III. До-сократовская философия и эстетические воззрения Сократа. Утилитаризм, морализм и начало диалектики.

IV. Платон. Обзор главнейших пониманий платонизма / Г. Риттер, Е. Целлер, П. Наторп, Е. Кассирер и др. Диалектика и мифология. Учение об эросе. Учение об искусстве. Мимезис.

A. Ruge. Die platonische Ästhetik. Halle 1832.

V. Аристотель. Различные понимания «Поэтики» Аристотеля. Мимезис. Учение о трагедии и поэме.

VI. НЕО-ПЛАТОНИЗМ. Диалектика прекрасного и эстетическая иерархия. М. Владиславлев. Философия Плотина М. 1860. П. Блонский. Философия Плотина. М. 1918.

VII. ЛОНГИН и его трактат «О возвышенном». ГОРАЦИЙ и анализ его «Поэтики».

VIII. ХАРАКТЕРИСТИКА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ВОЗЗРЕНИЙ НА ИСКУССТВО И ПРЕКРАСНОЕ. / Августин, Фома, Бонавентура и др. / IX. ВОЗРОЖДЕНИЕ и появление новой эстетики у Альберти. Платонизм, Аристотелизм и натурализм.

X. ФРАНЦУЗСКИЙ КЛАССИЦИЗМ. БУАЛО и его поэтика. БАТТЁ, МАРМОНТЕЛЬ, ЛАГАРП. Картезианские предпосылки. Рационализм и натурализм.

Kranz. L'estetique de Descartes. P. 1898. / Рус. пер. «Опыт философии литературы». СПб., 1903.

XI. АНГЛИЙСКИЙ КЛАССИЦИЗМ. ШЕФТСБЕРИ. Учение о вкусе, гармонии аффектов, «правдивости» и тождестве морального и эстетического.

XII. АНГЛИЙСКАЯ ТЕОРИЯ ИСКУССТВА XVIII ВЕКА. БЕРГ¹⁰, ДЖЕРАРД, ГОМ¹¹, (ОБОРОТ) ГЕТЧЕСОН¹².

XIII. ПОЯВЛЕНИЕ ЭСТЕТИКИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ НАУКИ В ГЕРМАНИИ у Баумгартена и Г. Мейера. Лейбницеанство и вольфианство.

E. Bergmann. D<ie> Begr<ündung> d<er> Deutsch<en> Ästh<etik> durch A. G. Baumgarten u<nd> G. F. Meier. Lpz. 1911.

XIV. ЭСТЕТИКА И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА В ГЕРМАНИИ XVIII ВЕКА. ЛЕССИНГ и ГЕРДЕР.

XV. КАНТ и первое критическое обоснование эстетики. Основоположения аналитики прекрасного. Аналитика возвышенного. Учение об идеале. Искусство. Гений.

¹⁰ В современной транскрипции — Бёрк (Burke), Эдмунд (1729–1797), — британский философ, эстетик, политический деятель, публицист.

¹¹ В современной транскрипции — Хоум (Home), Генри (1696–1782), — британский философ, эстетик, юрист, агроном-новатор. В историю эстетики вошел как автор «Оснований критики» (1762, рус. пер. 1977).

¹² В современной транскрипции — Хатчесон (Hutcheson), Фрэнсис (1694–1746), — шотландский философ и просветитель. В историю эстетики, главным образом, вошел благодаря двум своим трактатам, опубликованным в 1725 году под единым названием «Исследование о происхождении наших идей красоты и добродетели».

XVI. ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РОМАНТИЧЕСКОЙ ЭСТЕТИКИ. Подготовка романтического универсализма в мировоззрении Гете и Шиллера. Эстетическое Кантианство Шиллера. Спинозистский платонизм Гете. Эволюция эстетического мирозерцания Фр. Шлегеля. Фихте и его значение в истории романтической диалектики прекрасного. Тик, Новалис и Ваккенродер. Шеллинг и его отношение к романтизму. Система «трансцендентального идеализма» и «Философия искусства».

XVII. ГЕГЕЛЬ. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕКРАСНОГО И ДИАЛЕКТИКА. Три вида художественной формы. / Символическая, классическая и романтическая / Учение об идеале. Характеристика отдельных искусств.

XVIII. ШОПЕНГАУЭР. Метафизика воли. Идеи и искусство. Музыка.

XIX. ЭМПИРИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА ФЕХНЕРА¹³. Экспериментальный метод. Шесть принципов эстетического наслаждения.

XX. ТЕОРИЯ ВЧУВСТВОВАНИЯ. / Лотце, Г. Фишер, Липпс и др. / ТЕОРИЯ ВНУТРЕННЕГО ПОДРАЖАНИЯ / К. Гроос¹⁴/

XXI. НЕО-КАНТИАНСКАЯ ЭСТЕТИКА. Нормативизм Кона и Христиансена. Логизм и методизм Когена. Эстетика на основе феноменологии Гуссерля.

XXII. СОВРЕМЕННАЯ МАРКСИСТСКАЯ ЭСТЕТИКА.

¹³ В ГАХНе Лосев работает над статьей, в которой детально разбирает учения Фехнера и Липпса: «... Принцип единства при всей его необходимости и первоначальности для художества все же не есть нечто специфическое ни для эстетического, ни для художественного, ни для прекрасного. Это специфическое должно быть разыскиваемо совершенно на других путях. Образцом умеренного использования этого понятия могут явиться эстетические рассуждения Фехнера, который ввел принцип единства в число своих основных принципов прекрасного, но предусмотрел его конфликт с другими, более содержательными моментами эстетического наслаждения, и Липпса, по которому закон качественного единства предполагает, что последнее требует по самой своей природе своего признания вопреки реальной множественности, соединяясь с тем или другим “положительным душевным содержанием”». Статья обсуждается на заседании комиссии 20 октября 1927 года — в обсуждении участвуют А. Г. Габричевский, Б. А. Фохт, Н. Н. Волков, Н. И. Жинкин, Б. В. Горнунг и др. [8, 154–155].

¹⁴ Ср. определение в лосевской статье «Игра», написанной для сборника ГАХН: «Игра — понятие, употреблявшееся в отношении искусства еще у Платона, потом выдвинутое особенно Шиллером и развивавшееся в эстетических целях в последнее время у Карла Грооса и Эрнста Гроссе. По мнению К. Грооса, уже в играх животных лежит начало художественного творчества. Действительно, понятие это весьма близко подходит к наиболее существенным сторонам художественного творчества. <...> Физиологическая сторона игры, разработанная у Спенсера и добавленная биологической теорией Грооса, становится у Плеханова социальным началом. Отсюда выводы и для эстетического понимания игры» [8, 183–184].

8 А, Б. СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА
о курсе «История эстетических учений» на 1927 / 28 учебный год

В Деканат Научно-Композиторского Факультета М. Г. К.

Лосева А. Ф., профессора Н.-К. Фак. М. Г. К.

Настоящим имею честь заявить следующее.

В начале истекающего учебного года у меня было сокращено число часов по читаемому мною курсу (История эстетических учений) до 2-х. Так как подобное положение эстетики в Консерватории никак нельзя считать нормальным, то я прошу Деканат пересмотреть этот вопрос для будущего года и поставить читаемый мною предмет в положение, более соответствующее современному состоянию науки. Курс эстетики вместе с семинариями по этому предмету занимают по 6–8–10 часов в различных виднейших консерваториях за границей, и два часа этого курса, читаемые для Мунаиса, да и то не для всего, могут указывать лишь на весьма жалкое положение этого предмета. Необходимо поставить этот предмет в ближайшее отношение к современным исканиям в области музыкальной теории и практики, равно как и вообще к современным течениям философской, эстетической и социологической мысли, и сделать это в два часа совер- [оборот] шенно не представляется возможным.

Конкретно говоря, я просил бы:

1. продолжить курс, читаемый мною в этом году и доведенный до середины 19 века, в будущем году для тех же слушателей, чтобы пре<дл>ожить эстетику последних десятилетий, – на 2 часа, или на 4 (если присоединить сюда семинарские занятия);

2. сделать этот курс обязательным не для одних теоретиков Мунаиса, но для всего Факультета, давши на этот общий курс 2–4 часа, с тем, чтобы на долю Мунаиса осталась более специальная и практическая часть;

3. установить на будущее время такой usus: первый, общий курс слушает весь факультет (часа 2–4); второй, специальный и практический, – слушает Мунаис (часа 2–4).

Только такое положение дела можно было бы считать приблизительно нормальным.

А. Лосев.

17 мая 1927.

* * *

9. ОБРАЩЕНИЕ

руководства МГК в Ленинградский книжный фонд

В ЛЕНИНГРАДСКИЙ КНИЖНЫЙ ФОНД

Московская Государственная Консерватория просит оказать содействие проф. КОНСЕРВАТОРИИ А. Ф. ЛОСЕВУ в приобретении им книг по прилагаемому при сем списку, а также и вообще по его специальности, на льготных условиях.

Эти издания необходимы ему для его научно-этнографических работ.

ПРОРЕКТОР по Учебной Части:- /Крылов/

За СЕКРЕТАРЯ Правления:- /Георгин/

* * *

10. СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

А. Ф. Лосева об издании брошюры по курсу «История эстетических учений» (29 мая 1929 г.)

В Правление М. Г. К.

Профессора А. Ф. Лосева

Покорнейше прошу Правление М. Г. К. разрешить мне напечатание моей брошюры «Принципы построения курса «<История> эстетических учений» как издание Моск<овской> Госуд<арственной> Консерватории. Брошюра представляет собой объяснительную записку к моему курсу история эстетических учений, который я читаю в Консерватории в течение 7 лет и который много раз обсуждался и утверждался в различных инстанциях Консерватории.
Лосев.

* * *

11. ОБРАЩЕНИЕ

руководства МГК в Мосгублит. Копия
(29 мая 1929 г.)

№2135

29 / V-29 г. копия

МОСГУБЛИТ. (и в Главпрофобр)

Правление Московской Государственной Консерватории просит разрешить к напечатанию брошюру профессора Консерватории А. Ф. ЛОСЕВА «Принципы построения курса истории эстетических учений», как издание Московской Государственной Консерватории.

РЕКТОР:

СЕКРЕТАРЬ ПРАВЛЕНИЯ:

12. ЗАКЛЮЧЕНИЕ
отдела Художественного образования
(25.06.1929)

Р. С. Ф. С. Р.
Народный Комиссариат
по Просвещению
Главпрофобр
Отдел Худ. Образов.
«21» июня 1929 г.
№ 31516
25 / VI–29 г.

В Правление Московской Консерватории.

В связи с Вашим запросом о разрешении издать брошюру А. Ф. Лосева, Отдел Художественного Образования направляет Вам заключение Отдела по поводу представленной в Отдел докладной записки А. Ф. Лосева «Принципы построения курса истории эстетических учений». Согласно содержанию заключения Отдел считает нецелесообразным печатание брошюры А. Ф. Лосева Консерватории.

Зав. Отделом Художественного Образования (Брюсова)

* * *

13. ЗАКЛЮЧЕНИЕ
по докладной записке А. Ф. Лосева
«Принципы построения курса истории эстетических учений»
(без подписи, 1929)

Заключение по докладной записке А. Ф. ЛОСЕВА «Принципы построения курса истории эстетических учений»

Фактическая сторона /различные эстетические учения/ изложены в курсе обстоятельно и с большим знанием дела. Очень ценно стремление автора обнаружить связь между эстетическими учениями и социально обусловленными типами мышления различных эпох. Большого внимания заслуживает попытка автора представить историю эстетики как цельный диалектический процесс. Многие выдвигаемые автором отдельные положения представляют значительный научный интерес.

Наряду с этим, в работе т. Лосева имеются крупнейшие недостатки. Философские предпосылки несовместимы с марксистским мировоззрением. Многие обобщения историко-социологического порядка не достаточно обоснованы и спорны. Слишком много внимания уделяется проблемам, не имеющим прямого отношения к предмету.

Возможно, что в чисто научном труде отмеченные выше достоинства, даже при этих недостатках, обеспечили бы за работой т. Лосева известную /быть может и значительную/ ценность. Но, поскольку речь идет о курсе учебного характера, следует признать, что отмеченные недостатки делают этот курс мало приемлемым для наших художественно-учебных заведений.

* * *

14. ВЫПИСКА

из протокола №28

заседания Правления Московской консерватории от 3 октября 1929 г.

(выписка датирована 11 октября 1929 г.)

ВЫПИСКА

Из протокола №28 заседания Правления Московской Консерватории от 3 / X-29 г.

Слушали: 9) О профессоре А. Ф. ЛОСЕВЕ.

ПОСТАНОВИЛИ: Считать профессора А. Ф. ЛОСЕВА выбывшим в виду того, что курса истории эстетических учений нет.

11/X-29 г.

ВЫПИСКА ВЕРНА:

* * *

15. СПРАВКА

для предоставления в Свирские лагеря (4 марта 1932 г., без подписи, копия?)

4 / VI-32.

Справка

8/с Дана Высшей Музыкальной Школой им. Ф Кона А Ф Лосеву в том, что он состоял профессором Московской Консерватории с 1922 года по 3/X-29 г.

Справка дана для предоставления в Свирские лагеря.

Секретарь: